

УДК 81.42

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИЗВИНЕНИЯ В БЫТОВОМ И ПУБЛИЧНОМ ТИПАХ РЕЧИ

© Л. О. Чернейко*, Исин Юй

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1.

Тел.: +7 (495) 939 26 05.

*Email: *avollis@mail.ru

Статья посвящена одному из важнейших регуляторов общения – извинению, а непосредственным предметом рассмотрения является такая составляющая извинительного речевого акта, как мотивация. Предложенная Р. Ратмайр типология извинения далеко не всегда приложима к реальным извинительным актам, в которых сложно переплетаются выделенные ею мотивы («по существу», «конвенция», «метаизвинения» – за слова). Особое внимание уделяется функциям извинения в современной публичной речи, где оно часто выступает в роли модальных слов. «Деэтикетизированные» извинения десемантизируются, но не опустошаются, а «перезагружаются», наполняясь субъективной модальностью. В публичной речи в большей степени, чем в бытовых ситуациях, извинение как этикетный речевой акт выходит за рамки этикетности, приобретая черты приема «ложной значительности».

Ключевые слова: мотивы извинения и его типология, коммуникативная неудача, специфика извинения в публичной речи, десемантизация («деэтикетизация») извинительного речевого акта, извинение и модальные слова.

1.1. Коммуникативные и, шире, межчеловеческие отношения нуждаются в определенных регуляторах, за счет которых устраняются «неполадки» в ходе общения и достигается коммуникативная успешность. К числу так называемых коммуникативных регуляторов относятся и извинительные высказывания. В русском языке извинительный речевой акт оформляется по-разному в зависимости от коммуникативной ситуации, но наиболее распространенной грамматической формой является императив *извини(те)*, *прости(те)* и его аналоги – *прошу прощения*, *извиняюсь*, *прошу меня извинить*, *виноват(а)*, *пардон* и т.д. Извинение в качестве одной из речевых этикетных формул предполагает обязательные «этапные» компоненты, или фазы: человек, уверенный в причинении какого-либо ущерба другому и осознающий это, признается в своем проступке, сожалеет об отрицательных последствиях своего непредумышленного поведения и просит адресата о прощении. При этом причиненный ущерб может быть как материальным (физическим), так и нематериальным (нравственным).

В сфере извинения ущерб, нанесенный поступком или словом (что тоже поступок), может рассматриваться и как коммуникативная неудача, под которой понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [5, с. 31], и как поведенческая неудача. Дж. Остин полагает, что «исследовать извинения означает исследовать ситуации, в которых имеет место нарушение нормального хода вещей, неудача в чем-либо» [9, с. 205].

1.2. Р. Ратмайр предлагает разделить все извинения на три группы на основе различия в причинах, вызывающих этот речевой акт: «метакоммуникативные» (за слова), «конвенциональные» (за нарушение

установленных правил поведения) и «по существу» (за причиненный ущерб). Но в некоторых случаях, как отмечает исследователь, метакоммуникативные извинения могут быть и извинениями по существу [10]. Представляется, что именно такие неординарные случаи и требуют к себе лингвистического внимания.

В русском лингвокультурологическом пространстве извинение изучено довольно подробно (Р. Ратмайр, Н. И. Формановская и др.), но главным образом применительно к разговорному языку в бытовых и деловых ситуациях, а традиционный объект изучения – языковые средства (лексика и грамматика), оформляющие извинительный речевой акт. Однако внимания заслуживает и такая немаловажная его составляющая, как мотивация, т.е. причины извинения. Недостаточно изученным в «извинительном» аспекте представляется и публичная речь как особая функциональная сфера языка. Н. И. Формановская пишет, что «мотив употребить формулу речевого этикета продиктован потребностью: внушенным в процессе социализации личности осознанием ею необходимости, долженствования, желательности реализовать соответствующие правила речевого поведения», и «цель тесно связана с мотивом и predeterminedена необходимостью создать нужную, желательную, преимущественно благоприятную тональность общения» [13, с. 19].

2.1. Можно заметить, что в повседневных речевых ситуациях повод для извинения оказывается довольно очевидным, т.е. какой-то причиненный ущерб, в том числе коммуникативная неудача, а цель его – снять негативные последствия неуместного поведения и/или регулировать тональность речевого общения. Рассмотрим следующие контексты:

(1) *Но в один прекрасный... простите, как раз наоборот – в один какой-нибудь трагичный день вы*

упадете оттуда и разобьетесь... (В. М. Шукшин. Чередниченко и цирк).

(2а) *Говорил, в шесть, а пришел в семь, – упрекает Нинка. – Я тут на лестнице, как кошка, жду. – Японцев в Загорск возил, – объяснил Алексей. – Извини.* (В. С. Токарева. Северный приют).

(2б) *Извините*, – проговорила Алина. – *Можно, я подселю к вам актера Гурина?* (В. С. Токарева. А из нашего окна).

(3) А: *Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаю за них; я сам такой же бурлак.* – Б: *Мы считаем их образцом грубости и невежества.* – А: *Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.* – Б: *Мне – извиняться!* – А: *Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!* – В: *Сергей Сергееч, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!* – А: *Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю.* (А. Н. Островский. Бесприданница).

В ситуации (1) повод для извинения – употребление прилагательного *прекрасный*, которое является составной частью фразеологической единицы *в один прекрасный день* с достаточно общим значением ‘однажды, когда-нибудь’ [12], но при этом с ограничением в сочетаемости, которого словари не отмечают, а именно: этот разговорный фразеологизм свободно сочетается с информацией о положительном и долгожданном событии или о событии нейтральном, например, *И вот в один прекрасный день собрались они на дачу; Так проходит время, пролетает год, другой, я уже подрастаю и в один прекрасный день делаю первый крупнейший шаг* (А. Н. Толстой. Я лежу в траве). Высказывание *В один прекрасный день он умер* прочитывается либо как совершенно недопустимое, либо как ироничное (хотя ирония в подобных случаях неуместна), либо как вводящее в констатирующее суждение (*Он умер*) точку зрения наблюдателя (нарратора, персонажа).

В рассматриваемом контексте прилагательное-антоним *трагичный* вводит оценку говорящим возможного события как трагического, что расширяет семантический объем фразеологизма за счет придания ему статуса свободного сочетания (день может быть *прекрасным, трагичным, скучным, веселым* и т.д.). Извинение вызвано осознанием говорящим прагматической нестыковки фразеологизма с негативной информацией прогнозируемого им трагического события. Можно сказать, что извиняется говорящий за приверженность языковым клише, за свою речевую инерционность. Кроме того, коммуникативным следствием употребления слова с негативным смыслом (*трагичный*) может быть прогнозируемая говорящим негативная эмоциональная реакция слушающего. Так что говорящий приносит извинение и для того, чтобы редуцировать негативное воздей-

ствие своего пессимистичного прогноза на психическое состояние адресата. В данном случае извинение принадлежит к метакоммуникативному типу.

В ситуации (2а) извинение, которое выглядит как конвенциональное, можно трактовать и как извинение по существу, поскольку его причина состоит в осознании говорящим причиненного собеседнику беспокойства (а это и есть «ущерб»). Извинительным высказыванием говорящий подтверждает соблюдение социальных норм и сообщает им о знании принятых правил поведения.

В ситуации (2б) извинение можно было бы квалифицировать как конвенциональное, если бы речь шла о двухместном номере гостиницы. Но из сюжета вытекает, что и номер был одноместным, и артист, которого хотели подселить к герою повести (молодому, начинающему артисту Тишкину), оказался совершенно нежелательным для него соседом. Поэтому приносимое Аллой извинение имеет иной статус – это извинение по существу: основной мотив извинения кроется в том неудобстве, которое может причинить человеку подселение к нему нового жильца в его одноместный номер, что является вторжением в границы его личного пространства.

В ситуации (3) представлено извинение метакоммуникативное, и в то же время это извинение по существу. В данном случае ущербом, испытываемым адресатом (А), является обида, спровоцированная высказанным личным мнением (Б) о бурлаках, к которым принадлежит, по мнению (А), и сам адресат (А). При этом причиненный ущерб настолько серьезный, что адресат потребовал от говорящего извинения. А упорство (Б) и его отказ принести извинение только усилил степень и размер причиненного им ущерба, так что адресат (А) собирался компенсировать свой ущерб наказанием «словесного» обидчика. Нужно отметить, что третья сторона (В) вклинилась в данную ситуацию во избежание обострения коммуникативного конфликта двух сторон.

Рассмотренные контексты свидетельствуют в пользу того, что предложенная Р. Ратмайр типология извинений достаточно условна, особенно в отношении извинений метакоммуникативных – слово может быть (и часто бывает) причиной не только извинительного акта, но и судебного разбирательства. И, как отмечает Р. Ратмайр, извинения по существу «в обязательном порядке нужно формулировать более весомо, чем с помощью одного глагола извинения в императиве. Эти извинения требуют дифференцированной вербальной реакции и могут быть даже отклонены» [10, с. 179]. Если репликой, следующей за метакоммуникативным и конвенциональным типами извинения может служить молчание, то составляющая часть ответа на извинение по существу в большинстве случаев – однозначное согласие или отклонение принять извинение.

2.2. Заслуживает внимания и тот факт, что формулы извинения часто применяются в публичной речи (в т.ч. в СМИ, в выступлениях на собраниях, на

лекциях, в дискуссиях в рамках круглого стола и т.д.). В публичной речи широко распространены извинения всех типов, какие приносятся в бытовых ситуациях, поскольку «жанр публичной речи принадлежит к типам устной речи, ориентированным на письменную речь, но в то или иной степени проявляет черты разговорности, что связано с объединяющей их устностью» [3, с. 138]. Кроме того, причину сближения книжной и разговорной типов речи усматривают в демократизации общества, которая «повлекла за собой отказ от определенных форм цензуры» [6, с. 45].

Для анализа мотивов извинительного речевого акта были собраны материалы из радиопередач «Эхо Москвы», программ «РИО Новости», а также материал, извлеченный из расшифрованной и опубликованной записи дискуссии на тему «Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии» в рамках круглого стола, проходившего на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова в 2008 г. [11]:

(4) *Надо быть, извините, идиотом, чтобы страдать грядущим прорывом российских и белорусских танков на европейскую территорию* (РИА Новости. 14.09.2017);

(5) *Все равно когда человек уже находится в этом статусе... Я прошу прощения, если я употребляю неверные термины – просто не совсем посвящен* (Эхо Москвы. 31.08.2017).

(6) *Пауза, извините. Всему свое время. Новости, реклама – потом продолжим* (Эхо Москвы. 06.09.2017).

(7) – *Подождите, Самара или Саратов? Путать Самару и Саратов – это последнее дело. – Нет-нет, Саратов-Саратов. Прошу прощения, это, все-таки, город Саратов. Я извиняюсь перед Самарой. Самара еще дойдет до этого, у нее еще все впереди...* (Эхо Москвы. 30.08.2017).

(8) *Дело в том, что сознаваться, признаваться в том, что ты что-то сделал нехорошее, тем более совершил фактически огромное преступление, это ужасно неловко инеприятно и неудобно. Мы приносим свои глубочайшие извинения, это страшная трагедия, мы готовы компенсировать, оплатить и так далее* (Эхо Москвы. 17.07.2017).

Контексты (4) и (5) представляют собой метаизвинения, но (5) осложнено «конвенциональностью»; (6) и (7) являются типичными конвенциональными извинениями, а в контексте (8) представлено извинение по существу. В ситуации (4) говорящий приносит извинение массовой аудитории за свое «непарламентское» выражение – *идиот*, которое истолковано в словаре С. И. Ожегова следующим образом [8]: «глупый человек, тупица, дурак». «Живая речь во всех проявлениях своих обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень разных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды» [1, с. 29], а использование слова *идиот*, в котором имеется чрезмерно большая доля экспрессивности и оценки, не соответствует ситуа-

ции публичной, относящейся к официальной сфере общения, где говорящий должен не употреблять лексики с абсолютно отрицательной оценкой, избегая возможного нарушения принципа вежливости – «не обидь» [15].

В извинительном высказывании (5) мотив очевиден – это неточное употребление терминов, что в какой-то степени свидетельствует и о неидеальной профессиональной компетенции говорящего, и о его понимании существующей конвенции. Что касается метаизвинений, для которых нет ни лингвистических, ни логических, ни этических оснований [17, с. 253], то они входят в круг извинений с характеристикой «ложной значительности» (словоупотребление Т. М. Николаевой). В данном случае цель принесения предварительного извинения можно определить как «желание уйти от полной ответственности» [9, с. 206] несмотря на то, что ошибка в применении терминов нарушает коммуникативные постулаты Г. Грайса (в частности, постулат качества и постулат способа) [4]. Есть смысловая перекличка между мыслью Дж. Остина и достаточно известным русскоязычным афоризмом «Извиняться – закладывать фундамент для будущего проступка», в котором ответственность предстала как провидение будущего.

В ситуациях (6) и (7) повод для извинения в какой-то степени связан с «обманутыми ожиданиями» [10]. Как отмечает Р. Ратмайр, «в фокусе каждого конвенционального извинения находится некоторое причинное адресату разочарование» и нарушение норм, которое «означает, что это ожидание не сбылось» [10, с. 171]. Вместе с тем, извиняясь, говорящий приводит в качестве объяснения непредвиденные обстоятельства, возникшие не по его вине. Так, причина извинения в высказывании (6) состоит в понимании говорящим нарушения традиционно сложившейся этикетной нормы принудительным внедрением рекламы в радио-диалог. Что касается извинительного речевого акта в примере (7), то мотив его вполне серьезный для радиокomentатора – его недостаточное внимание к названиям городов, с которыми он на связи.

В ситуации (8) проявлены все элементы извинений по существу: признание серьезности последствий совершенной ошибки, обозначенной выражением *огромное преступление*, которое и служит поводом для данного извинения; эксплицитное принесение извинения, осложненного комментарием (*страшная трагедия*); принятие на себя вины и ответственности за причиненный ущерб; предложение материальной компенсации. Как известно, негативный «эталон» неправильного поведения – это некорректное поведение (в том числе и речевое) в публичной ситуации, для которой официально принесенное извинение более значимо, чем извинение в бытовых ситуациях.

3.1. Если говорить о современной российской публичной речи, то не будет преувеличением сказать, что она изобилует «беспричинными» извинениями. В контексте *У нас в Москве множество названий, ко-*

торые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе (Ю. Поляков. Где проспект Ивана Калиты? ЛГ №27, 2012. С. 9) извинение небеспричинное, но уже семантически ослабленное и прагматически нагруженное другими, не собственно «извинительными» смыслами: во-первых, это метаизвинение (за сравнение), во-вторых, у него сугубо стилистическая, жанровая мотивация (проекция городских названий на «низкий», бытовой объект – колбасу – с социально осуждаемой добавкой – соей), в-третьих, это ирония, которой, в-четвертых, говорящий хочет привлечь внимание читателей к важному обсуждаемому объекту (названиям улиц, площадей и, шире, городского ландшафта). Таким образом, собственно извинительная функция высказывания уходит на второй план, если и вовсе не затемняется, а причина, мотивация извинительного акта уступает место цели. И с этой точки зрения особый интерес представляют извинения неявные, завуалированные, имплицитные. Вводятся они таким синтаксическим оборотом, как, например, *Не хочу никого обижать, но: Там выступают звезды, собранные Олегом Табаковым как редкая коллекция бабочек у Владимира Набокова. Не хочу никого обижать, но слово «бабочка» пришло на ум в связи с тем, что большинство знаменитостей чеховского МХТ постоянно порхают между историческими подмостками и съёмочными площадками или улетают на собственные «поляны»* (ЛГ. №29, 2012. С. 8). Но этот материал является самостоятельным объектом рассмотрения.

Извинение обретает новый, неэтикетный статус, сближаясь с модальными словами по значениям и функциям. Как писал В. В. Виноградов, модальные слова «выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность всего предложения. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию» [2, с. 594].

3.2. В. В. Виноградов в своем труде «Русский язык» включает императив *извините* в особый разряд модальных слов, свойственных диалогической речи, которые заключают в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркивают какой-нибудь факт или вызывают то или иное отношение к сообщению. В современной публичной речи именно такую неэтикетную функцию часто выполняет по-разному грамматически оформленное извинение: – *Насколько я помню, хотя бы чисто официально власти Саудовской Аравии как-то от этого абстрагировались. – Чисто официально. Извините, это там семьи, условно говоря, принцев и герцогов. Они все в этом участвуют* (Эхо Москвы. 07.09.2017); *Один из таких важных законов – это, простите, пожалуйста, закон экономики* (Эхо Москвы. 01.09.2017); *Я прошу прощения, я все-таки про одну ситуацию расскажу* (Запись дискуссии 2008).

Нужно отметить, что в современной публичной речи извинение в связи с расширением его функций переходит в разряд модальных слов. Во-первых, извинение может выполнять функцию, аналогичную «метатекстовым» словам (а это не только хорошо изученные вводные слова, но и слова знаменательные – прилагательные, а также развернутые метатекстовые комментарии [14; 16]), т.е. тем словам, которые содержат оценку самого стиля, способа выражения мысли. По классификации В. В. Виноградова к такого рода модальным словам и словосочетаниям относятся *буквально, так сказать, собственно говоря, коротко говоря, вообще говоря* и др.. При употреблении данного разряда модальных слов говорящий «как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» [2, с. 604]. Модальные функции извинения широко представлены в сегодняшней публичной речи, где извинения легко заменяются вводными словами, например: *Даже не просто запретят, а в любой момент могут перевести, извините меня* (= ‘так сказать’), *в реальный арест, потому что скажут, что не имеет возможности он обеспечивать вот эти установленные для него правила* (Эхо Москвы. 09.09.2017); *Я же прекрасно понимаю, что он узбека и грузина от русского не отличит, прошу прощения* (= ‘буквально’) (Запись дискуссии 2008).

Извинением также может обозначаться переход с одной системы обозначения на другую, с нейтрального стиля на профессионально маркированный, например: *То есть как мы иммигранту или билингву, извините, передадим вот эту сложность, что порусски «с глазу на глаз», а по-немецки «между четырьмя глазами»?* (Запись дискуссии 2008). Извинение в этом высказывании, очевидно, обусловлено введением специального термина *билингв*, который, по мнению говорящего, неизвестен аудитории. Но такое десемантизированное извинение в лингвистической дискуссии оказывается более чем странным и дает штрихи к портрету не адресата, а адресанта.

Во-вторых, извинение может функционировать в качестве модального слова, которое заключает «эмоциональное освещение самой изображаемой действительности» и обозначает «эмоциональные или волевые модальности, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей» [2, с. 604]: *Нет никакой идеологии, простите. Нет никакого Маркса-Энгельса* (Эхо Москвы. 28.08.2017); *Но... это сознательно причем... дети грамотные, грамотные... Ну, ладно, извините. Все* (Запись дискуссии 2008). В первом примере извинение равно возражению *О чем вы говорите? Какая идеология?* и усиливает уже выраженное несогласие с собеседником (*Нет...*). Во втором примере извинение – сигнал окончания полемики (сближается с такой частицей, как *пожалуй*).

В-третьих, извинение выступает в роли модальных слов типа *разумеется, несомненно, безусловно*, модальность которых основана на чисто логической, рассудочной оценке достоверности утверждения: *Потому что, прошу прощения, можно по-разному относиться к политическим взглядам и научным взглядам академика Лихачева, но то, что академик Лихачев был, безусловно, авторитетен, и то, что его речь полагалась, как действительно образцовая, это так* (запись дискуссии 2008); – *Если это будут честные выборы, то что же в этом грустного. Ну вот так, да. – Грустно то, что народ такой выросли. И воспитали. Вот что грустно. – Ну, извините* (Эхо Москвы. 17.07.2017).

Кроме вышеназванных функций извинительное высказывание в некоторых случаях выполняет функцию модальных слов, выражающих субъективность (внезапность припоминания информации и присоединения ее по ассоциации), к которым можно отнести модальные единицы типа *кстати, к тому же* и т.п. [2, с. 606]: *Достоинства и все такое прочее, они сыграли, я думаю, не последнюю роль в том, что у этих людей сохранилось спокойствие. Хотя там жизнь тоже...не сахар. – Я прошу прощения. У меня докторантка из Нальчика. Довольно взрослая женщина, скажем так...* (Запись дискуссии 2008).

Выводы. Проанализированный материал позволяет сделать следующие обобщения. Извинения в современной речевой коммуникации могут быть разделены на три типа – собственно этикетные извинения (по существу, конвенциональные, метаизвинения), псевдоэтикетные извинения (за так называемый «фантомный вред» [7]) и извинения, выступающие в роли модальных слов («деэтикетизированные» извинения – десемантизированные, но при этом «перезагруженные» и наполненные субъективной модальностью). В публичной речи в большей степени, чем в бытовых ситуациях, извинение как этикетный речевой акт выходит за рамки этикетности, приобретая черты приема «ложной значительности» и даже обретая статус эквивалентов модальных слов, поскольку в публичной речи повод для извинения либо довольно незначителен, либо абсолютно незаметен. При этом в случае возникновения коммуникативной неудачи говорящий, придерживаясь «принципа вежливости» и «принципа кооперации», должен редуци-

ровать нежелательные последствия при помощи извинения. Однако собственно извинительный речевой акт требует мотивации («по существу»), «конвенциональной» или «метаязыковой»), что заставляет говорящего осознавать причину принесенного извинения. В противном случае в этикетной форме извинения происходит «перезагрузка» содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001. 392 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Голанова Е. И. Устная публичная речь. Жанр публичной лекции // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 137–157.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
5. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
6. Корнилова Е. Е. Культура телевизионной речи // Филология и журналистика в контексте культуры: мат-лы Всерос. науч. конф. Вып. 2. Рост. гос. ун-т. Ростов-н/Д., 1998. С. 44–45.
7. Николаева Т. М. Речевая модель «обывателя» и идеи Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В. В. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 704–720.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. Остин Дж. Принесение извинений // Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб: изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. С. 200–231.
10. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2003. 272 с.
11. Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: сб. науч. статей / под ред. В. В. Красных. М.: Азбуковник, 2011. 375 с.
12. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
13. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
14. Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990, №2. С. 72–82.
15. Чернейко Л. О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки. 1996, №6. С. 42–53.
16. Чернейко Л. О. Семантическая деривация на службе у поэтической функции языка // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения: сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Наука, 2012. С. 424–439.
17. Чернейко Л. О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 245–260.

Поступила в редакцию 13.11.2017 г.

A STUDY OF THE FUNCTIONS OF APOLOGY IN THE DAILY AND PUBLIC SPEECH TYPES

© L. O. Cherneyko*, Yu Yixing

*M. V. Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.*

Phone: +7 (495) 939 26 05.

**Email: avollis@mail.ru*

In this article, authors study one of the most important regulators of communication, an apology. The subject of consideration is motivation, a crucial component of the speech act of apology. The typology of apology, which is suggested by R. Ratmayr, is far from being always applicable to all the real acts of apology, in which the motives that she singled out (“essential”, “convention”, “meta-apology” – for the words) are intricately intertwined. The authors also pay attention to the functions of apology in the modern public speech, where the act of apology often plays a role of modal words. The apologies, which lost the etiquette functions, are desemantized, but not emptied. They are overloaded with subjective modality. In the public speech, the etiquette speech act of apology acts beyond the etiquette ranges much more than in daily situations, acquiring the features of the tactic named as “fake significance”.

Keywords: motives of apology, typology of apology, communicative failure, public speech, desemantization, deetiquettization, modal words.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: URSS, 2001.
2. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow: Rus. yaz., 2001.
3. Golanova E. I. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 137–157.
4. Grais G. P. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike Lingvisticheskaya pragmatika. Vyp. XVI*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 217–237.
5. Ermakova O. N., Zemskaya E. A. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 30–64.
6. Kornilova E. E. *Filologiya i zhurnalistika v kontekste kul'tury: mat-ly Vseros. nauch. konf. No. 2. Rost. gos. un-t. Rostov-n/D.*, 1998. Pp. 44–45.
7. Nikolaeva T. M. *Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika: Sb. k 70-letiyu V. V. Ivanova*. Moscow: OGI, 1999. Pp. 704–720.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1999.
9. Ostin Dzh. *Prinesenie izvnenii. Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty*. Saint Petersburg: izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2006. Pp. 200–231.
10. Rathmayr R. *Pragmatika izvneniya: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoi kul'tury* [Pragmatics of apology: Comparative study based on Russian language and Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2003.
11. *Russkii yazyk v usloviyakh yazykovoi i kul'turnoi polifonii: sb. nauch. Statei* [Russian language in conditions of linguistic and cultural polyphony: collection of scientific articles]. Ed. V. V. Krasnykh. Moscow: Azbukovnik, 2011.
12. Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian literary language]. Moscow: Astrel': AST, 2008.
13. Formanovskaya N. I. *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. Moscow: Russkii yazyk, 1987.
14. Cherneiko L. O. *Filologicheskie nauki*. 1990, No. 2. Pp. 72–82.
15. Cherneiko L. O. *Filologicheskie nauki*. 1996, No. 6. Pp. 42–53.
16. Cherneiko L. O. *Russkii yazyk segodnya. No. 5: Problemy rechevogo obshcheniya: sb. dokladov / In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. Moscow: Nauka, 2012. Pp. 424–439.
17. Cherneiko L. O. *Trudy instituta Russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. No. 2*. Moscow, 2014. Pp. 245–260.

Received 13.11.2017.